

На разогреве

Повесть

1

— О БОЖЕ. ЗАЧЕМ ты зажигаешь свечки?!

— Так это же... Романтично.

— Нет. Это совсем не романтично.

— А по-моему, красиво.

— А по-моему, их не надо зажигать.

— Почему?

— Потому что это стандартненько получается очень.

— Стандартненько, значит?

— Да. Стандартненько и сладенько.

— Как скажешь.

Лежала на полу, с кислым вином, на экране — «Кофе и сигареты». Он что-то все бегал, приносил, резал.

Рядом, на полу, пахли крабовые палочки, сыр, ломала куски шоколада.

— Какой хороший вечер после работы.

— Да, и после института тоже ничего так.

— У тебя сегодня снова импульсивное настроение?

— Нет, мне сегодня снова не нравятся свечки.— Я выключил свечки.

— Но перед этим ты их включил.

Я его на самом деле очень люблю. Мы знакомы давно. С того, что вместе работали в ночном клубе, — он танцевал хип-хоп, а я на разогреве. Тогда он был совсем другим, совсем как я. Мы тогда все были совсем как все. Работали до утра, вино за сценой, спали днем — и снова, снова. Последние классы школы, нелепые объяснительные учителям, ночи, ночи, ночи. Олег еще тогда решил полюбить меня. Все говорил — ты какая-то кривая вся, непонятная, нелепая, живешь эмоциями, в тебе столько жизни, ну где же еще такую найдешь. А я отвечала, что полюбить меня — это совсем как-то глупо. Таких, как я, не любят. С такими почему-то любят веселиться, любят — ни о чем. А Олег не слушает.

Но это все так — как началось.

Потом он стал взрослым и важным, окончил престижный институт, написал свой проект для известной авиакомпании и сказал — «Если вы меня возьмете, я увеличу вашу прибыль на тридцать процентов». Повелись на наглость, прибыль увеличилась на пятьдесят. Он открыл, второстепенно, свою алкогольную фирму, купил гоночную машину, купил много девочек, квартиру с небосводом на потолке и еще всякого.

Он для всех такой важный босс, а для меня — друг детства. Я лишь догадываюсь, какой он с

другими. Но со мной все так, как было, — ходим в мои любимые фастфуды, чиним его машину, катаемся по кругу и ночью смотрим фильмы у кого-то из нас дома. Есть сыр, шоколад и всё — как раньше. Иногда — на его забавные встречи, но это лишь так — для просто так.

Я его люблю. Как друга-брата.

И он меня, но не так.

— Вот, Вика, ты хочешь свадьбу?

— Не, не хочу вообще никак.

— Почему?

— Не вижу смысла.

— Ты просто маленькая. А я бы собрал немного людей, мы бы все поехали на один остров. Никаких костюмов, все в джинсах, горячий воздух...

— Да ну. Избито ужас как, — курила в бутылку из-под колы, ковыряла свечки, платье все в шоколаде.

— Ты, как обычно, ничего не понимаешь.

Не вижу смысла в свадьбах. Любите — значит, и так вместе. Бумажки, подписи, надеть платье... Глупо как-то. Вот венчание — это да. Важно. А свадьба, да ну.

Олег считает, что я смешно ем. А у него нелепые очки. И всё время очень много мусора дома. Он такой надежный и правильный, что даже страшно — так и в самом деле бывает. Вся жизнь расписана на двадцать лет вперед, все проблемы решаются за минуту звонком по телефону, костюмы дорогие и безвкусные, но зато с ним так хорошо, как и дома.

Мне даже начало казаться, что вот, вот! — именно с ним надо умереть в один день. Вы будете смотреть фильмы по субботам и любить друг друга по воскресеньям. Готовить вместе салаты, вырывая друг у друга помидоры из рук, вместе укладывать в пакеты купленную еду, пополнять мобильные счета и прочие нежности. Никаких эмоций, потрясений, страхов. Никто никого не бросит, никто никого не обманет.

Я, конечно, продолжала быть лишь его подругой, но страшное подозрение, что, может, любовь — это именно дружба и уважение (ну не смешная же страсть, в самом деле!), начало постепенно проникать в сознание.

И я познакомилась с Максом.

Вот так всё предсказуемо.

2

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ и заканчивается, как правило, обычно. Шаркала кедами по улице и выбираала из пакета с орешками кешью. Было солнечно, люди улыбались, я молчала сама с собой

и шла, в общем-то, совсем недовольная. Не любила учиться на отлично, а в институте зачем-то взяла доклад по Фернанду Кнопфу. Не доклад, конечно, а на выбор — несколько картин художника, их история, всё, как обычно. Зачем взяла доклад, совершенно непонятно. Мы что-то говорили на живописи, сказала про Кнопфа. На меня все — удивленно. Оказалось, не знают. А он один из моих любимых. Вот тогда наш преподаватель предложил мне сделать доклад. А тут уж — пути к отказу нет.

Анна говорит, что я ни один предмет в жизни не знаю хорошо. Всего понемножку, всё как-то так поверхностно, всё по-быстрому и вскользь, да что тут — она, безусловно, права.

Искусство художников-графиков-архитекторов я знаю недопустимо плохо.

Расплата ждала меня в читальном зале Тургеневской библиотеки. Очень долго и лениво мне искали нужную книгу. Клипшт и Кнопф. Три часа боролась с маленьким томом — интересно очень, но еще больше давила атмосфера сна в библиотеках.

Вокруг — так тихо, серьезно, сосредоточенно, что сразу хочется тихонько положить голову на руки и поспать.

Дважды выходила купить кофе и три раза покурить. Через час чтения начала злиться, что столы в библиотеке неудобны — некуда деть ноги. Через два часа не могла больше читать — рядом слишком громко шуршали страницами. Через три часа сказала себе честно — нельзя обвинять всех вокруг в том, что мне приходится читать.

Когда я с каменной головой вышла на улицу, пытаюсь восстановить хоть что-то из прочитанного, состояние было тяжелым. Щурила глаза, попрыгала, пока никто не видел, у входа в здание, чтобы прийти в себя, — не помогало. Прочитанные слова нервировали сознание, смеялись, в общем-то, я почувствовала себя полным ничтожеством и пошла в свое любимое кафе.

Черный кофе. Без сахара. Да, сегодня без штруделя. Мороженого не надо. Простите, у меня нет больше денег, но этого я не скажу. Разглядывать людей никогда не любила, поэтому, чтоб уж совсем не в одиночестве, положила перед собой книгу, которую мне удалось-таки взять с собой.

«Фотография сверху. Профиль незнакомки. 1900 г. Если вспомнить предыдущий портрет Розы Триплекс...»

Рядом со мной кто-то начал так громко смеяться, что подняла голову. Пять-шесть мальчиков лет двадцати, ничего примечатель-

ного. Вино, картины или что там бывает по вечерам.

«...написанный в 1874 году, то видна перемена...»

— Пятьдесят баксов, отвали отсюда, — я подняла голову. Официант, спрятав банкноту, двинулся к стойке. Один из тех мальчиков громко расхохотался и двинулся в сторону балкона. Второй этаж.

— Макс, я тебе сказал, пошли отсюда.

Макс, который стоял уже на балконе, рассмеялся, закашлялся, сказал: «Я хочу-у-у так!» — и прыгнул на перила балкона. Не могла оторваться. Второй этаж был достаточно высоко, мальчик был очень, очень худым, на теле болталась широкая рубашка, он держался рукой за стену и смеялся. Никогда не забуду. Двое ребят подбежали к нему, стакан разбился на полу.

— Если двинетесь, я прыгаю, — и опять этот смех вперемешку с кашлем.

Смотрела, смотрела, смотрела. Официант боялся двинуться от стойки, пятьдесят долларов — это много пива, орешки, может, даже цветок любимой и вечер дома.

Он качался от ветра, держась за ребра, смеялся, закрыв глаза, было уже темно, я не сводила глаз. Минут пять, полчаса, минута — сколько-то прошло времени, он спрыгнул вниз на пол, ударил по плечу своего друга и вернулся к столику. Я выдохнула и быстро опустила глаза, чтобы он не заметил.

И до этого картины были пустым звучанием, теперь и буквы стали пустыми.

— А ты почему не подошла? Вдруг бы я спрыгнул? Тебе плевать на тех, кто рядом с тобой?

Подняла глаза, он хрипло дышал мне в лицо и сидел на краю стула рядом.

— Если человек хочет спрыгнуть — он прыгает.

— Ох, ох, ох, какие фразы! — резко схватил мою книгу и снова захохотал: — А! Все ясно, интеллектуалка, блять!

Давать пощечины пошло. Давать пощечины равносильно: «*Любимый мой, я та-а-ак устала, мои ножки та-а-ак находились, а не купить ли моим ножкам новые туфельки?*» — что-то вроде. Когда была в шестом классе, только перешла в новую школу и — очень стеснительная. Урок музыки. Стояла во втором ряду и то открывала, то закрывала рот, шепча про себя слова песни. Вдруг чувствую — кто-то из третьего ряда за мной опускает руки на мою талию и начинает в такт детской песенке похлопывать меня по животу. Это было так невероятно для моего детского восприятия. Перестала открывать и за-

крывать рот в такт песне, развернулась к стоящему за мной и со всей силы ударила его кулаком в нос. Наверно, уже в то время понимала, что пощечины — это пошло. С того момента ко мне начали относиться правильно.

Кулаком в нос тонкому Макс, хрипло дышащему Макс, давать не хотелось. Ладонью ударила его в лоб. Он запрокинул голову назад, свои прямые волосы назад, свои глаза к потолку, а потом все началось. Он со всей силы пальцами вцепился в мой подбородок и поцеловал, больно, жарко. До боли, до крови, до молчания, до того, что с ним теперь, тогда, только с ним, а по-другому не получается.

Прошло двадцать минут, он должен был встретить меня у института. Подкидывала ногами желтые листья, они шуршали, почти все мои однокурсники уже ушли. Они смеялись.

Рядом с институтом был магазин «Кентавр», но я боялась туда отходить — вдруг он придет. Ждать становилось скучно. Дорога впереди, за мной — вход с тяжелой дверью. Села на лавочку.

Прошло полчаса. Не знала, куда звонить.

Прошел час. Пальцы замерзли. Он обещал зачем-то гулять со мной до Большого театра, сказал, что там ходят девушки и раздают бесплатные банки с колой. Сказал, что это очень забавно. Я не любила театры и колу, но ждала.

Пошла к метро медленно-медленно, чтобы успел увидеть. Несколько серых остановок, вышла к театру. Там, как всегда, была реконструкция. Наверно, если бы строить и перестраивать в Москве было бы больше нечего, то город заплакал бы и тихо умер. А так — есть смысл.

На лавочке сидели бабушки. На лавочке сидела девушка со своим парнем, она положила голову ему на грудь, а ноги на лавочку, они смеялись. На лавочке сидели два школьника, они смеялись. Я была уверена, что он ждал меня у театра, ведь мы собиралась вместе пить бесплатную колу. Села на лавочку вместе с бабушкой и побоялась открывать книгу — могла бы ведь пропустить его.

Прошло полчаса. Пальцы снова мерзли. Не было даже бесплатной колы. Театр был похож на большое умершее животное, покрытое зеленой тканью.

— Мама, привет. Уже закончила. Да так себе. А он не пришел. Да. А больше и нечего делать. Люблю.

Медленно — к дому. Медленно и холодно. Медленно и одиноко. Жалкая. Разбитая.

Я ЖИВУ одна, в небольшой однокомнатной квартире на втором этаже.

Эта квартира вся дышит Анной. Она всё выбирала, по всему прошлась своим безупречным вкусом, тут пахло ее маслом для тела.

Квартира небольшая, но совсем Моя. Никаких стен — что кровать, что кухня. Дневной свет — редко. Низкая мебель, запах кофе, полная пепельница, надкусанная шоколадка, краска на полу, туфли под столом. На самой большой стене висит фотография — в темноте стоит пойманный вспышкой Макс — наклонился вперед, руки раскинуты в стороны, что-то кричит и за криком — улыбка. В одной руке светится сигарета. Я его фотографировала.

— Кстати, как тебя зовут? — мы сидели на бордюре, я так устала от ходьбы, что предложила отдохнуть за кофе, но он сказал, что за кофе не отдыхают, и предложил сесть на бордюре. Потому что тогда можно отдыхать, не отвлекаясь.

— А ты что, до сих пор не знаешь?!

— Ты не говорила, а я вдруг подумал, что не знаю, — он любил смотреть исподлобья своими синими глазами.

— Вика, — отвела глаза в сторону.

— Вика? Дурацкое имя.

— Да что ты?

— Никакое оно. Но да ладно, какая разница.

Встала. Собралась уходить. По-настоящему.

— Девочка, ты такая красивая! Прости, я не буду больше тебя обижать, — он быстро упал на колени рядом со мной.

Мы долго шли, он свистел травинкой, складывая ее между ладонями, купил мне ванильное мороженое, людей становилось меньше, мы пришли к озеру, через парк, никогда не любила парки.

Куда мы идем? Мы идем в одно из моих самых любимых мест.

Я так радовалась — если человек ведет в одно из своих любимых мест, то это даже лучше знакомства с родителями.

В одном парке есть озеро, о котором никто не знает. А над озером — очень тонкий, почему-то не падающий, мостик. Он, по-моему, деревянный и сгнивший. И каждый раз, когда я потом там была, то думала — в этот раз он упадет. Поэтому каждый раз приходила и приходила. Если лечь животом на мостик, то — словно лежишь на воде. Мы кидали в воду хлеб и вафельный стаканчик от мороженого. Рыб, правда, не было, но мы все равно их кормили. Никто другой ни разу туда не пришел и даже не прошел мимо,

живот замерзал, в майку дуло. Мы лежали на спине, курили и смеялись. Я фотографировала Макса, а потом поставила фотографию в своей комнате. Он не любил фотографироваться, за это любила его еще больше. Не люблю позирующих людей. На фотографиях или в жизни. Фотография должна быть живой. Макс корчился и отворачивался, открывал рот широко-широко, чтобы закрыть им весь объектив и не попасть в кадр.

Один раз он снова начал кашлять и, отвернувшись от меня, пшыкать в горло. Такой знакомый мне жест, продолжала смотреть в воду.

— Я болею, у меня ангина, мне надо все время пшыкать в горло.

— Ясно. А у меня хронический насморк.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Тоже начал любить.

Макс немного рассказал мне. Когда он учился в школе, в младших классах, над ним постоянно издевались. Когда они ехали на экскурсию в пятом классе, ждали автобусов. Макс стоял в стороне. Его одноклассники и не его одноклассники начали толкать его из стороны в сторону, друг другу в руки, он ничего не мог сделать. Потому что ему было плохо, и он был маленьким, не умел драться. Вообще-то, ему нельзя драться, но это все равно, ведь когда толкают друг другу в руки, то это... Потом он лег в больницу надолго, не сказал почему, но кажется, я догадалась. Перевели в другую школу, там он и нашел свою компанию, стал ее центром. Я видела их в кафе, его друзья.

Молчала и смотрела в воду. Он больше не говорил. Мне рассказать было нечего. В моей первой школе меня любили. Мои подруги и преподаватели. Во второй школе я нашла лучших друзей. Меня никто никогда не обижал. У меня прекрасная семья. Я не больна астмой, даже ни разу ничего себе не ломала. Живу одна. Работаю. У меня есть кошка. Когда мне плохо, я говорю, но ведь настоящая радость — внутри, надо просто уметь взглянуть. И сразу легче. У меня есть Макс. Что же мне ему рассказать.

4

ПОЧЕМУ-ТО ТРИ моих самых близких человека в жизни были больны астмой. Ни раком, ни чем-то еще, только астмой. Каким-то образом я все время с этим сталкиваюсь. Один погиб, два других, они лечатся. Один уже почти не пшыкает в горло. Я знаю этот кашель, больше не закрываю уши руками, знаю, где продаются ингаляторы, сколько стоят, сколько раз в день

надо ими пользоваться, знаю, что об этом лучше не говорить. Знаю, что ни в коем случае нельзя курить.

— Макс, когда ты начал курить?

— Не знаю, разве кто-то помнит, когда он начал курить?

— Я помню.

— И когда же?

— Банально. Когда пошла в магазин и купила первую пачку сигарет. Мне было пятнадцать.

— Зачем?

— А зачем ты грызешь чупа-чупсы?

— Ах ты какая.

А потом мы просто молчали и смотрели вниз, воды было почти не видно. Позвонила мама и спросила, где я, хотела поговорить со мной по телефону, почему меня нет так поздно? Сказала — расскажу позже. Да, все хорошо. Мама, не волнуйся. Нет, правда, не волнуйся. Да, завтра приду. Не клади трубку — я люблю тебя. Но мама, как обычно, положила. Есть ли на свете кто-то лучше моей мамы? Нет. Я потом об этом расскажу. Я всегда об этом рассказываю. Везде об этом рассказываю.

Лежала дома и ничего не делала. Брала книжку — не читалась. Кино — не смотрелось. Лениво и совсем без голода грызла кешью, пила кофе до половины — сегодня впервые пошел снег. В моей квартире всегда темно, так как за окном все покрыто высокими деревьями. По радио снова играло что-то испанское, тянущееся, глубокое, я перебирала фотографии и что-то писала. Писать хотелось, чтобы — самой себе. Читаешь — и сразу все понимается.

Рядом — «Тринадцатая сказка» — прочитанная. Последняя книга за долгое время, от которой не могла оторваться, руки дрожали, летела сквозь страницы, закончилась — теперь было пусто. Все еще была в том замке, с девочками-близнецами, с одиноким автором. Мне бы так хотелось туда, к этим людям, которых я люблю в книгах. Кажется, что они понимают, и я — их. Они будут видеть во мне меня и никуда не уйдут. Они — мои. А теперь книга закончилась, и я боялась поставить ее на полку. Пусть лучше лежит.

Макс не звонил уже третий день. Три дня назад он уехал от меня куда-то, куда — не могла спросить. Так не заведено. Не звонил. Я, в общем-то, не ждала. Знала, что придет.

Неделю назад вернулась домой с работы, он был уже тут. Когда он здесь, в квартире всегда пахнет сгоревшими кастрюлями. Как-то у него всегда получается поджигать ручки от кастрюль. Снимала сапоги и слушала жужжание.

Что жужжит?

Макс!

Макс, что там, черт возьми, жужжит и жужжит?!

Вика, помолчи, блин.

Прыгнула в комнату. Макс сидел на кровати и набивал себе татуировку на запястье.

— Ого, — не удержалась. Потом укусила себя за губу. Никогда, никогда нельзя показывать ему, что удивлена.

Не морщилась, сидел себе спокойно и набивал цифры на запястье.

— Что за цифры? — села напротив.

— Дата смерти брата.

— Ясно.

Ничего больше не сказал. А спрашивать о смертях нельзя.

— А мне сделаешь? — даже не подумав.

— Тебе? Не майся дурью.

Это было последним доводом.

— Как закончишь, сделай мне.

— Ну, как хочешь, мне не запахло.

На левом предплечье он набивал мне руну. Я смотрела, как капельки крови исчезают в черной краске — и обратно. Все два часа так и смотрела на это. На маленькие капельки крови — почему-то это мне казалось очень интересным. Потом он помазал руну вазелином, замотал бинтом, поцеловал в шею.

Мы лежали и смотрели в окно, он совсем тонкий, ребра торчат так остро. Руки прозрачные, почти синие, вены, кажется, можно потрогать и взять двумя пальцами. Зато волосы — словно они забрали всю жизнь из тела — пышные, черные, прямые. Он не любил раздеваться передо мной. Не любил свое тело, я это знала. Очень тонкий. Я рядом с ним стыдилась своего — полного жизнью.

Татуировка не болела, но рука ныла. Хотела поскорее снять повязку.

Макс оделся, я смотрела, молча глядя шею там, где он целовал, любила его каждое движение.

— Вика, что ты будешь делать, когда я умру?

— Мне будет грустно. Но ты не умрешь.

— Умру, умру, у меня же астма.

— От астмы не умирают.

— А я умру, — так спокойно, убежденно.

— Как тебе угодно. Мне будет грустно.

— А мне — нет.

— Почему же?

— Там лучше, чем здесь.

— Откуда знаешь?

И он рассказал мне историю. Историю про людей без тела, которые выглядят как энергетические шары. Они могут говорить без слов и све-

тятся золотым. Там можно встретиться с теми, кто уже давно умер, — но только если желание взаимно. Конечно, сначала будет тяжело — будет хотеться есть и пить, но это только сначала.

Там можно перемещаться в пространстве и, если ты кого-то любишь, опекать этого человека на земле. *«Только, Вика, когда я умру, ты не должна меня держать, иначе мне будет сложно оторваться»*. И не собираюсь тебя держать. Я тебя никогда не держу.

Да, держу руку на шее, но тебя не держу.

Он поцеловал меня и принес в кровать гвоздику. Я замолчала. Для меня гвоздики были цветами смерти — но он этого не знал. Откуда у него гвоздика? Пошла в ванну, не хотела плакать.

Что я могу сказать об отношении к смерти?

Когда он умирает, я регистрирую страничку в Интернете от его имени. Имя. Знак зодиака — Близнецы. Возраст — двадцать пять.

Потом я ухожу в офф-лайн. Когда я захожу, высвечивается — «Вы в сети».

Я смотрю на эту строчку — вы в сети. You are alive.

И не думаю о том, что в сети — я. Так как на меня — другая, моя, страничка.

Я вижу, кто сегодня смотрел мои обновления, кто пытался посмотреть фотографии, которых нет, и снова ухожу в офф-лайн.

Вот такое у меня отношение к смерти.

Вышла, он надевал кроссовки. Хотела схватить его — куда ты? Куда? Вместо этого облокотилась о стену и — уходишь?

Ага, — завязал шнурки, помахал рукой и открыл дверь. Сел на перила и скатился вниз.

Потом долго не могла избавиться от этой картинки — как он садится на перила и скатывается. В этом — весь он.

Достала из холодильника яблочный пирог, который ему приготовила, и отрезала себе самый красивый кусок.

5

В ДЕНЬ, КОГДА умер мой лучший друг, Илья, четыре года назад, я была далеко от него. Я о нем говорить не буду здесь, он был в моей жизни. Вот так просто.

В середине дня, ничего еще не зная, закрылась в ванной и начала бить со всей силы руками по стене, потом впиалась ногтями в лицо и царапала, как могла. Кричала его имя, плакала, впиалась ногтями в ладони.

Мама вытащила меня из ванной, налила вальерьянки, спросила, что, что такое?!

Я замотала головой, закрыла глаза, схватилась за голову, за волосы.

Что происходит, Вика?!

Мама, Илья...

Что с Ильей?

Илья... Не смогу позвонить. Позвони ему, пожалуйста, сейчас.

Мой лучший друг умер в больнице. По ошибке врачей. Он всю жизнь избавлялся от астмы, а умер из-за заражения крови в больнице.

Я училась в Испании, бабушка лежала в больнице после инфаркта. Помню, как ездила к ней и каждый раз выходила из больницы, плакала. В палате с ее одинокими ровесницами, недовольными медсестрами, которые только после пятисот рублей принесут воды и меняют белье. К ним никто не приходит и не посещает, потому что все эти бабушки плохо пахнут и ходят под себя. Я мочила бабушке лоб полотенцем. Она спрашивала — как дела у Люсенки. Люсенка, ее сестра, умерла десять лет назад. Я говорила — все хорошо, у Люси все хорошо. Бабушка спрашивала, как дела в школе. Я заканчивала первый курс. Отвечала — в школе все нормально, заканчиваю четверть. Бабушка, хочешь пить? Бабушка кивала головой, и сок лился мимо ее сухих губ. Я улыбалась ей и плакала потом.

Звонила каждый день из колледжа и спрашивала у мамы — как бабушка? Бабушка каждый день шла на поправку и уже могла ходить с палочкой.

В ночь перед ее смертью мне приснилось, будто она уезжает от меня на автобусе, пытается сломать дверь, чтобы выйти, смотрит на меня и что-то кричит. На следующий день я не спросила, как дела у бабушки.

Почему не говорила ей достаточно часто, как люблю ее? Почему не открыла ей во сне дверь автобуса?

Макс мне не снился, я не бежала в ванну и не царапала лицо. Макс не умрет.

— *А почему ты мне совсем не звонишь? Ты жива?*

— *Олег, я жива. И даже очень.*

— *Будем сегодня пить кофе?*

— *Наверно. Позвоню.*

Рассказывать о кофе с ним — неинтересно. Словно — да, кофе был, как обычно, горячий и черный. Олег был, как обычно, занят и разговорчив. Я, как обычно, была ему рада, но баланс сломан — все время думала о другом.

Кофе с Олегом. Низкий столик в его любимом «Лаф-кафе». Официанты, которые отнимают у тебя пепельницу, чтобы поставить новую, — хотя и покурить-то еще не успела.

— Выбери, что будешь есть, — кладет перед собой два телефона, ключи от машины.

— Я тут ничего есть не буду, — кладу перед собой сигареты, жвачку.

— Не нравится?

— Мне невкусно есть за такие деньги.

— Зато еда вкусная.

— В общем, буду черный кофе.

В «Лаф-кафе» нужно долго настраивать голос, чтобы одновременно быть услышанной и не кричать. Вы сидите совсем на разных концах столика, надо особенным образом наклониться, особенным образом положить руку на локоть — чтобы на него опереться. И выглядит тело так особенно скручено, что весьма забавно. Олег, конечно, весьма уютно чувствует себя, забывшись в диван на своей половине. Ему сидеть и молчать тоже уютно, а я — пью с ним кофе и хочу общаться.

Потом Олег произнесет что-нибудь такое — *Ты не против, если к нам на минутку заедет мой сотрудник?*

Я, конечно, не против.

Два часа они обсуждают сделки-переговоры-деньги-встречи.

И в итоге Олег говорит — *Ну что, пойдём?*

Вот так мы обычно пьем кофе.

6

ЧЕМ ДАЛЬШЕ Макс — тем больше институт шел мимо меня. Наверное, в расстановке приоритетов всё бы должно быть наоборот. Но думать логически не получалось никогда. А есть Макс — остальное уже и вовсе неважно.

Сидела на паре у окна, на любимом месте, смотрела на преподавателя. Он все время носил шарфы, каждую лекцию — разные. Рассказывал лекцию, глядя перед собой, осталось только пририсовать нимб — точно такой был образ. Когда семинары — он менялся. Взгляд в никуда концентрировался на отвечающем. Он смотрел так внимательно, периодически вскакивая и начиная писать что-то на доске. Смешно, конечно, но для меня наблюдение за ним было одним из самых увлекательных занятий в институте.

Он правда хороший, мой институт, наверно, очень хороший, но я не в силах этого до конца понять. Вся моя жизнь проходила вне его. Люди, важные мои люди, о которых хочу говорить, которые так важны, которые делают мою жизнь, — почти все они — вне института. Работа, Анна, Макс — все основное в жизни происходит за стенами. Иногда думаю — зачем, зачем

все это делаю? Анна говорит — осталась пару лет. Добей их. Как всегда, права.

Анна... Анна. Если бы я сказала — *Анна, ты так прекрасна*, ей бы не понравилось. Она бы сказала — *Пожалуйста, перестань*. Я все равно говорю. Я говорю — *Ты такая красивая, ты такая красивая*. Она говорит — *Перестань, пожалуйста*.

Она красивая, у нее такие глаза — такие... не потому что они голубые-голубые, а потому что в них столько всего, что у нее было, первые и единственные в моей жизни, когда по ним можно прочесть, сколько всего было у человека. Губы, которые все время улыбаются и колко отвечают тем, кто обижает. Морщинки у губ, мягкая кожа, которая все время вкусно пахнет маслами, ее одежда пахнет маслами, у нее уставшие и все равно радостные руки, пальцы, с кольцами, дизайн которых придумывает сама.

Анна никого не слушает, ни за кого не держится, и она все время в окружении людей. Нужна всем, телефон звонит все время, ее вечера — театры, гости — по вечерам, конфеты — к кофе. Она ходит в театры не потому, что на следующий день расскажет всем вокруг, что была в театре, а потому что ей хочется. Она ходит туда с подругами, они смеются и могут уйти после антракта пить кофе в соседнее кафе. Потому что им стало скучно, и они не считают нужным доживать до конца — как все вокруг.

Анна любит есть сырники. Так люблю сидеть и смотреть, как начинает пахнуть сырниками, как она жарит их почти без муки, люблю ее кружку с Биг-беном, ее перчатки без пальцев, ее шапку — на глаза.

Моя подруга однажды рассказывала мне за чаем о людях и образах. Она говорила, что каждый человек — это образ.

— Как это так, Соня, мы же с тобой — не образы?

— И мы — образы, просто наши образы полностью совпадают с нами, а у других людей их выдуманный образ настолько нависает над ними, что они оказываются в его власти и подчиняются ему.

Анна ничему не подчинялась. Она не играет, не пытается создавать впечатлений, не пытается понравиться, ей — все равно. Делает то, что ей хочется и нравится.

Она меня так восхищает.

О ней могут сказать — *Ах, конечно, ах, она такая, может себе все позволить, ездит по всем странам, как ей нас понять*.

Анна работает с девяти до семи, ругается насчет аренды на свои магазины, ругается с налоговыми инспекторами, ездит на закупки, таска-

ет мешки в своих руках, пишет накладные. Что такое о ней могут сказать! Она — self-made, все-го добывается сама.

Ездит в Иран, в Сирию, в Индию — ищет себя, она давно нашла себя, она все знает, ей не стыдно хотеть узнавать еще и еще.

Анна смотрит мультики и смеется, ходит на все выставки, воспитывает двух детей, не дает себе плакать, хотя столько поводов, сколько у нее, я еще ни у кого не встречала. Она такая сильная, такая восхитительная, какой мне не стать никогда.

Мы с ней знаем друг друга всю жизнь.

Я работала у нее на фирме.

Работа не была сложной. Я когда-то работала продавцом, поэтому научилась разбираться в покупателях. Знала, что куда нужно поставить, на какие лепестки разложить коллекцию украшений, в какой последовательности поставить открытки. Куда посмотрит человек при входе в магазин, на полки какого уровня что нужно поставить. Знала, что товары, расположенные у кассы, человек купит в шестидесяти процентах случаев.

Это несложное знание, конечно, что и куда поставить, но все знания — несложные, и что уж тут.

Проблемой были продавцы в магазинах. Женщины на пятнадцать-двадцать лет меня старше смотрели с ухмылками и громко стучали каблуками, выходя из магазина, — ах, тоже мне, пришла тут, будто лучше нас разбирается в том, что и как делать. Я говорила им — *Я уверена, что вы лучше меня знаете, как и что сделать, простите, я просто немного здесь поменяю.*

Они мне не отвечали, потом начали говорить немного, потом мы не стали больше с ними ругаться, потому что — любого можно понять. Мы начали общаться, и все стало хорошо. Мне всегда казалось, что лучше с людьми дружить, чем ссориться, и лучше всегда попытаться дать им возможность узнать тебя — прежде чем невзлюбить. По-крайней мере, честно. Да и вообще. Не знаю человека, к которому я хоть когда-нибудь относилась плохо. Почему-то очень люблю людей. Взаимно-невзаимно, все это глупости.

В моей жизни нет врагов, ведь и я не делаю никому ничего плохого. Стараюсь делать хорошее, стараюсь, как могу, зачем нам нужно не любить друг друга?

Мир-дружба-улыбки.

Анна — директор фирмы. Сама все это выстроила, сама все это делает, все сама. Ведь так сложно быть директором-женщиной.

Столько унижения, столько просьб, столько жесткости, столько накладных и расчетов,

столько моментов, когда я слышала — *Больше не могу, правда. Я больше не могу. У меня нет сил.*

У нее всегда находились силы. Она все может, я не знаю как. То, что она находит для меня время в своей жизни, — это счастье, это такое счастье. Я смогла бы прожить без любого, но не будь Анны — зачем тогда все. Зачем просыпаться. Зачем учиться. Зачем все.

Почему так? Тут я не знаю, просто так и никак иначе. Все понятия любви, дружбы — в себе вмещает она. Как мне жаль, что мы не учились вместе в школе, не поступили вместе в институт, вряд ли у меня возникла бы необходимость общаться с кем-то еще. У меня нет никого больше, кого боготворю.

Она научила меня всему. Она повторяет: *«Вика. Поими. Сила не нуждается в подтверждении».* Она научила меня бояться. Она научила не волноваться о том, что другие о тебе думают. И сейчас я понимаю, что мне действительно это неважно. Она научила — *Не делай того, что тебе не нравится, не находишься в обществе тех, кто тебе неприятен, не стремись сохранять отношения с теми, кто уже давно вне твоей жизни, не слушай никого. Не злись на людей — ты в этой жизни для того, чтобы учиться. Будь спокойна, будь как вода — иди своим течением, у тебя все получится, ты очень сильная. Не обращай внимания на зависть, иди своей дорогой. Ты — хороший человек.*

Я не смогу замолчать о ней.

Как она, больше нет. Я — ее старшая дочка. И иначе быть не может.

— *Я буду у тебя через час.*

— *Хорошо-хорошо.*

— *Будь готова.*

— *Да уж ясно.*

7

ОЛЕГ УДИВИТЕЛЬНО предсказуем. Бывает, что человек предсказуем, и тут раз — откуда-то неожиданное. Вдруг — и снова умирает. В Олеге *вдруг* не было. Все по ежедневнику, все по часам. Когда мы куда-то едем, он всё время обсуждает рабочее по телефону — ведь нельзя же просто так ехать в машине и терять время. Мне кажется, жить так — очень страшно. Он не делает бессмысленных вещей, я же их делаю очень много. Но и бессмысленные вещи делают жизнь. Чтобы было, о чем жалеть. Исправлять. Грустить.

Но неважно.

— Я привез вино твое любимое.

— Мое любимое — за сто рублей из соседнего магазина.

— Ты должна приучаться к хорошему.

— Не должна вообще ничего.

— Как день?

— Спать хочу.

— Опять жизнью непонятной живешь?

— Да, наверно. Куда едем?

— К моим друзьям в ресторан, устраивают банкет.

— Ну, поехали.

Джинсы, майка. Лениво — в окно. На дорогах снова стройки. С Олегом хорошо. Но как бы хорошо ни было с Олегом, постоянный процент мыслей — Макс. Учусь, но — о Максе. Пью кофе — о Максе. Стройки на дорогах — Макс.

Ты совсем мне не пишешь.

Знаешь, вчера был очень важный для меня день. А ты этого почему-то не заметил.

Прости меня, прости. Мы обязательно повторим этот день вдвоем.

Обязательно. Через год.

Можно и раньше... Прости.

Можно. Но не хочется.

Совсем ничего не хочется?

Хочется чуда, на которое ты не способен.

И?

И хорошего тебе вечера, до ро гой.

Ма ла дец. Я люблю тебя.

Его «люблю» — бегу в холл, где нет музыки, звонить.

— Любишь?

— Люблю.

— И я.

Рядом со мной в ресторане сидит человек из Костромы, рассказывает очень много о поставке сухариков в Москву. Кажется, костромские сухарики — самые вкусные сухарики на свете. Он уверяет.

Черт возьми, это так интересно...

Но после *люблю* — интересно все. Смотрю в глаза костромскому поставщику, очень заинтересованная, он, вроде, думает, что я тоже хочу продавать сухарики — теперь и навсегда. У меня откуда-то столько важных вопросов об этом. Олег — напротив. Улыбается всем улыбкой — да-да, она со мной. Я, конечно, улыбки этой не понимаю. Костромской поставщик переходит на что-то совсем личное. Вроде думает, что мы женаты. С Олегом. Олег улыбается — *Пока что нет.*

Вино — красное, сигареты — заканчиваются. У женщин за нашим столиком кольца на каждом пальце, все такие дорогие, золотые, камушки и на пальцах, и на платьях. Они все как одна: беловолосые, пухлогубые, где-то научились го-

ворить одинаковыми интонациями. Почему-то все едят клубнику. Сидела и думала о том, что попала в другое измерение — где женщины одновременно прокалывают клубнику вилками (но ведь удобнее взять рукой?), одновременно и, конечно, очень медленно кладут клубнику в рот, конечно облизнув совсем слегка и совсем неспециально уголок губ.

Чувствовала себя недоженщиной. Поэтому сигареты заканчивались. Сегодня я не курила, сегодня я пыталась занять хоть чем-то руки.

Напиши, когда захочешь уйти.

Сообщение с другого конца столика, Олег улыбался.

Вика. Я с ужасом вспоминаю те дни, когда чуть было не совершил самую большую ошибку. И я способен на чудо.

Дни, когда я лежала в квартире одна, целыми часами и минутами, время было медленное и болотное.

Макс, пожалуйста, давай встретимся.

Сегодня — нет. Может, послезавтра.

Но ты понимаешь, что только сегодня.

Вика, ты ломаешь меня, всех, я не смогу.

Пожалуйста, я так громко прошу тебя, не могу без тебя, совсем, совсем не могу. И ты не можешь, просто чашка кофе, я так прошу тебя.

Прости, прости меня, за все прости. За то, что я такой слабый. За то, что я не способен. За то, что боюсь. За то, что не смог стать всем в твоих больших глазах.

— Да, сейчас уже поедем. Они все — в казино. Ты хочешь?

— Домой хочу.

Дни, медленные, ломанные, болезненные. Чашка кофе, выпрошенная и вымоленная, смотреть ему в глаза — не могу. Не смотреть — не могу. Руки дрожат так, что кофе проливается на юбку. Люди вокруг все несущественные, незначительные, все краски — в нем. Страшно попросить счет и встать, потому что снова уйти, снова — больно. Снова ждать, не ждать, даже в этом не могу определиться.

— Тебе понравился вечер?

— Да, конечно, спасибо тебе. Прости.

— За что?

— Я стала совсем дурацкая.

— Заметил. Просто мало спишь, много куришь, устала. Надо отдохнуть.

— Надо. Спасибо тебе.

Закрывается одеялом и поскорее уснуть, чтобы сегодня — не ждать. Завтра — завтра. А сегодня побыстрее спать.

В жизни все идет кусками, после знакомства с ним — все кусками. Не помню, что и когда бы-

ло, с кем и когда разговаривала. Не помню, что было раньше другого. Запуталась во всем, такое полное и настоящее чувство так часто повторяемой Любви, что мне ничего не остается, кроме как — просто и безысходно — опустить руки.

Однажды стану женой Олега. Однажды с ним разведусь. Однажды скажу себе — это было моей самой большой ошибкой в жизни. Однажды все когда-нибудь случится.

А случается много всего интересного. Очень много всего и за такое короткое время.

Соседка по лестничной клетке испекла специально для меня пирожные. Я, честно, их не люблю, но это было таким счастливым.

А когда бежала на концерт и параллельно писала сообщение подруге, незаметно, но очень сильно врезалась в столб. Думала, такое только в комиксах. Лежала под столбом и смеялась. Глупо, конечно, но все равно.

На улице подошел мужчина, сказал, что я отлично подхожу на роль индианки с корзиной фруктов на голове.

Или, например, так однажды полюбить девочку, чтобы хотеть о ней заботиться и приносить ей яблоки, зеленые, красные и все, какие можно найти. Просто чтобы она улыбнулась.

Много всего происходит каждую минуту, глаза открыты, всё так рядом, всё так близко, если подпускать.

Просто дело как раз в том, что страшно от мысли, как однажды сказал Макс: *«Делать что-то без тебя — это, может, и интересно. Просто — незначительно. Без тебя все незначительно».*

Жизнь без него, такая полная и интересная, стала просто незначительной.

9

Я ШЛА, ЗАПЛЕТАЛИСЬ ноги, старалась смотреть вниз, холодно, но зачем-то сняла шапку и перчатки и расстегнула пальто — просто так, вот так, вроде — назло всем, потом — какая глупая — никому не надо, просто я заболела, поэтому расстегиваю пальто.

Зачем предлагать встретиться, чтобы потом молчать?

Это, пять часов назад отправленное, конечно — без ответа.

Шла медленно, спать хотелось очень, снова, как обычно, не успела поспать, оказывается, столько всего надо сделать, столько людей и чашек кофе.

От вина заплетались ноги, смотреть было неудобно. Ах, эти взгляды — ты сегодня пьешь?

Снова? Ах, какие моралисты. Ах, ты пьешь одна? Милая, это верный путь к сама-знаешь-чему. Конечно-конечно. Слушать это бесконечно скучно, вы знаете — мне так плохо бывает, да, я, наверно, такая слабая. Потому что раньше мне не было так. Раньше — мне плохо, и я пила чай с медом, держа телефонную трубку ухом. А теперь, знаете, это боль, оказывается, такая сильная, такая штампованно душащая, что ведь не было у меня такой.

Алкоголь — морщиться. Сигареты — ужас. Наркотики — ох!

Тысячу раз удаленный, тысячу раз снова в записной книжке, — он, не верю, — звонит. Мне.

И мой голос, моментально настроенный, наученная, черт возьми, как надо и не надо:

— Привет-привет.

— Привет. Поедем сегодня в гости?

— Куда?

— К моим друзьям.

И фраза Анны — *Вика, он даже не знакомит тебя со своими друзьями*

— Да, конечно.

— Мы заедем за тобой через час.

Бежала по ступенькам, улыбалась, не удержалась, несколько сообщений в папке Отправленные: *Я еду к его друзьям!*

Я еду к его друзьям.

Два энергетика на столе, разбавленный с колой кофе, морщилась, пила, только бы не спать. Сигареты по инерции, что бы еще сделать?

Я так нервничала.

Звонок.

Привет.

Ну привет.

Как ты?

Хорошо.

Может, я заеду?

Не знаю, Олег. Наверно, не надо. Я устала.

Тогда не заеду. Правильно, солнышко. Отдыхай. Ты совсем не спишь.

Пока.

Как мне надоели твои «может», твои солнышки, твои «ты совсем мало спишь» — эта дурацкая забота, потому что мне двадцать, я не буду спать. Да и не потому, что двадцать, ты знаешь, я так люблю жить! Один раз без «может» — приехать и сказать — собирайся, сейчас поедем гулять. И я бы поехала, с тобой бы поехала, ты, черт возьми, такой хороший, такой весь правильный, такой весь стопроцентно любящий, прости, я, наверно, совсем здесь несовершенна, но я не могу, как можешь ты.

Звонок в дверь.

Закрывает глаза, быстро зажгла сигарету, энергетик — в сумку.

— Привет-привет, ну, как доехали? — это отработанное равнодушие, хотя больше всего — подбегать, обнять, просто смотреть, кричать: — Без тебя было так плохо.

— Девочка, я так по тебе скучал, — его губы, глаза, очки, хотя ночь, хотя они от солнца. И все. Все мое равнодушие, мне уже плевать. Его голос — и опять сломана.

10

МНЕ БЫЛО страшно с его друзьями, сначала. Они говорили между собой в машине, я пила холодную самбуку из бутылки, руки дрожали. Они отвечали мне односложно, а я боялась говорить дальше. Макс гладил по волосам и даже — шел рядом. Мне было страшно.

А потом была самая лучшая ночь в жизни. Маленькая кухня, страшная собака, которая хотела не просто кусать, а сразу съесть. Много часов в «мафию», а ведь не играла с тринадцати лет! Я, конечно, была врачом, конечно, лечила только Макса — но это сначала. Они жгли самбуку, на дне кофейные зерна.

— Вика, ну что ты, что ты пьешь, как девочка! Залпом!

Его бывшая девушка пела таким высоким голосом, я еще думала — как же такая может быть — бывшей? Его бывшая девушка, которая смотрела на него болезненно. Я все замечала, было стыдно. Она пела так красиво, а он играл на гитаре. Такой великолепный дуэт. А я не умею играть и петь. Друзья играли тоже, но мне, конечно, только он — кого слушала. Ловить его голос через всё. Наливала себе вино. Потом снова роли в «мафии», сигареты в подъезде. Появившаяся соседка снизу. Его друзья — мои друзья, все так быстро и незаметно.

Мы сидели с Катей в подъезде, я — на полу, с колечками дыма.

— Они давно расстались?

— Давно. Он ее оставил.

— Ясно.

— Он всех оставляет.

— И такое бывает... Надеюсь, ей сейчас хорошо.

— После него все нехорошо.

— Звучит не очень-то.

— Наслаждайся, пока есть.

— Я тебя не слышу.

Друзья — актеры. Играют, поют, сочиняют. Громкие, смешные, без правил и этой тонкой возвышенности в лицах. Свобода.

Мне не хотелось спать, терять момент.

Солнышко, я просто пишу пожелать тебе доброе утро.

Девять часов. Доброе утро.

Доброй ночи. Я иду спать.

Просыпаться ночью — и не заснуть. Облокачиться на подушку. Смотреть. Как красиво он умеет спать. Кашель, тонкие ребра, пальцы у щеки, вздох. Мне почему-то все это красиво. Так страшно обнять, так страшно, что вдруг откроет глаза и увидит. Тогда — сразу все.

Ведь пока он — других вообще не надо. Мальчиков-девочек-занятий-интересов.

А утром по квартире ходили тени. Ленивые тени, ленивая гитара. Семь чашек приготовленного кем-то чая, который никто не пил. Который медленно остывал.

На диване Макс с Лапулей смотрели фильм. Села рядом. Закрывает глаза — не взять за руку, не посмотреть с нежностью. Иначе и про меня «он всех бросает». Он взял за руку, он сказал — *Доброе утро, моя девочка.*

Вернулся из ванны:

— Все люди как люди, с кредиткой и купюрой в сто долларов. А я с десятью рублями и проездным на метро.

— Ну и зачем?

— За тем, что мне сегодня весь день работать и нельзя спать.

И что мне сказать. Уйти на кухню, пить чай.

Всемером в одной машине. У подъезда — *Ты уж не пропадай. Да, не пропаду. Ну, смотри. И смотреть не надо.*

11

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ процент моей жизни забирала работа. Конечно, хорошо бы сказать — работаю дизайнером в известной компании. Или, например, — художник, представляющий свои картины на выставке там-то и там-то. Все это очень хорошо, конечно, но я работаю девочкой-промо, девочкой-моделью, такой девочкой-дурочкой.

Моя анкета — в базе данных агентства. Около пяти раз в месяц вечера или дни заняты работой.

Встречать гостей на открытии нового ресторана.

Раздавать приглашения.

Предлагать попробовать новый сорт кофе.

Демонстрировать одежду очередного малоизвестного модельера.

Так далее, так далее...

И все время улыбаться.

В общем-то, да. Моя работа — улыбаться.

Наверное, я бы могла позволить себе что-то более интеллектуальное, но, к сожалению, я все

же студентка, а посему — пять раз в месяц улыбаюсь за деньги.

Таких, как я, привыкли воспринимать определенным образом. На нас смотрят, как на улыбающихся девушек без мыслей и искорок в глазах. Никаких признаков ума и всего прочего. Такие как я, по мнению большинства, ходят на подобные мероприятия, чтобы познакомиться с мужчиной с заработком выше среднего, который будет дарить не букеты, а машины — и далее по списку. Конечно, это вовсе не ложь.

Забавный случай в период моего устройства на работу.

Два года назад была приглашена на собеседование в одно модельное агентство. Пошла, потому что оно проходило в одной из гостиниц, где у Анны магазин. Думаю, пойду и, наконец, посмотрю по пути, как там все оформлено, как работают продавцы. С магазином было все в порядке, зато у модельного агентства точно были проблемы.

Собеседование проходило на последнем этаже. У входа, томно облокотившись о стены, словно возлежали — тощие девочки-гусеницы. Гусеницы, потому что невероятно тонкие и высокие, и лица, лица! Все почему-то совершенно одинаково отрешенные от жизни. Я много общалась с девушками-моделями, но там подобралась на редкость однородная аудитория. Села в стороне на пол, потому что ждать обычно приходится долго, а ждать стоя — не люблю. И слышу удивительнейший разговор.

Девочка, лет шестнадцати, выше меня сантиметров на двадцать, с длинными рыжими волосами, тянула:

— Не-е-ет, вы то-олько поду-умайте... Всего лишь месяц назад у меня был та-а-акой мужчина! Шестьдесят лет, две машины. Одна — «ягуар». Он со мной и ту-уда летал, и сю-юда водил. А я, дурочка такая, взяла отработанные деньги — и ушла. За-а-чем ушла? Надо было хоть «ягуа-ар» забрать. А те-еперь вот сию тут с вами напротив этой двери, как ду-ура какая-то-о...

Шокированная подобным монологом, зашла внутрь, на собеседование. Искала работу промоутером или моделью на показы.

— Девушка, а у вас бриллиантовый браслет?

— Мм, нет. Обычный.

— Ясно. Вы готовы сниматься обнаженной?

Редкий случай, когда не смогла ответить ничего-го. Шок.

— Нет, не готова. У меня же в анкете это написано.

— Понимаете, у вас типаж такой. Агрессивный, горячий. Вы должны сниматься обнаженной. У вас характер в лице.

— А вы характер только в обнаженном виде умеете показывать?

— Если вы хотите у нас работать, то вам надо перестать думать и задавать вопросы.

— Ну, в таком случае я не хочу у вас работать.

Встала, улыбнулась, пожелала всем хорошего дня. Когда открывала дверь, услышала:

— Так вы будете с нами работать?

— Нет, простите. Мы с вами не сходимся характерами.

Это было начало моих карьерных, так сказать, опытов. А потом было очень много подобных разговоров, забавных девочек, красивых, но одинаково рано испорченных. Были и хорошие девочки, но мало.

В любом случае, я нашла подходящее мне агентство, скромное и нераскрученное. Платят не слишком много, но все устраивает. В конце концов, зарабатывать хоть сколько-то самой гораздо лучше, чем просить денег у родителей.

Про мою работу можно рассказывать долго, очень долго. Это же совершенно другой мир. Интересный, несомненно. Наполненный, сочный, красочный. Интересный в каждой своей мелочи. Забавный, жестокий, не думающий. Но говорить об этом мне почему-то совсем не хочется. Просто. Просто так проходят пять дней в месяц — вот и всё на этом.

12

Я НАЧАЛА ссориться с Анной, когда появился Макс. Мы начали плакать вместе с ней, вылетая из кафе в разные стороны и обе — слезы. Ей хочется мне счастья, а я — люблю ее. Она говорит — *Вика, ты теперь не та девочка, что раньше. Ты теперь взрослая. Ты стала совсем новой. Которой я не понимаю.*

Мне хочется кричать ей без слов, кричать в ее глаза — *Анна, куда ты смотришь. Анна, ты же все, что мне так нужно. Анна, не бросай меня, умоляю. Анна, я просто взрослею немного.*

Она не желает больше слышать о моей личной жизни.

Я, оказывается, всем и каждому делаю больно.

Оказывается, всех ломаю.

Это уж совсем что-то новое.

Оказывается, я — воронка, которая тянет за собой всех.

Я так люблю Анну, всё это больно, всё так повернулось в двадцать лет, что.

Что просто сию, музыка на громкости, бутылка полупустая, Макс пишет — *Люблю девочку и засытаю.*

Пишу ей — *Я без тебя пустую. Прости.*

Когда-нибудь все будет хорошо, и это самая верная истина.

Макс удивлял меня, я удивляла Олега. Сначала с Олегом, потом к Макс. Два очень важных человека.

Мы ехали на какую-то вечеринку, куда Олег не хотел без меня. А я не видела его уже две недели и, честно, да, скучала. Вечеринки Олега все же очень странные.

Было семь вечера, с шести на столе стоял любимый салат Макса, в холодильнике охлаждался портвейн — они с Лапулей, Катей и Куней приезжали ко мне в два — после репетиции. Смотрела на часы и хотела успеть.

Олега встретили важно и рукопожатиями. У входа курили белокурые красавицы с длинными ногтями. Смотрели на меня из-под ресниц и отворачивались. Я была в кедах, после института, меня, кажется, вовсе не хотели пускать, но Олег показал свою карточку. В его окружении я всегда недочеловеком получаюсь.

— Ой... А что это тут происходит? Что это они все словно замерли?

За длинными столами сидели люди, по-моему, не разговаривали, по-моему, не пили и даже не ели.

— Сегодня испанская ночь, я уверен, что тебе понравится.

— Раз испанская, то точно понравится.

Мои давным-давно испанские ночи, песок между пальцев, холодные пляжи, жгучая сямбука, горячий дым до кашля в горле, музыка гремит внутри кожи, ноги болят от ритмов, испанские ночи, не могут не нравиться.

Прошел час. Люди за столами все же двигались. Разговаривали очень тихо, все невероятно с иголочки. Сцена выложена стразами, пел, и вправду, испанец. Пел хорошо, играл тоже. Их было двое. Очень правильно и хорошо — в Испании так не играют. Один играл, но без взрыва, другой пел — но без боли, без стонов, без максимума. Но все же хорошо.

Но все же прошел час.

— Э-э, Олег, слушай. А почему никто не танцует?

— Да ты что, здесь не танцуют.

— Как это — не танцуют? Это же испанская вечеринка, как ты сказал?

— Да. Все слушают испанскую музыку...

— ...и говорят о своих бизнес-делах.

— Совершенно верно.

— Не могу поверить, ужас какой. Это же скучно.

— Тебе не нравится музыка?

— Очень нравится. Но хочется танцевать. Пойдем со мной?

— Вика, ты о чем? Если тебе не нравится — мы можем уехать.

— Мне нравится, черт возьми! И я хочу танцевать.

Олег улыбнулся, зачем-то погладил по щеке и налил еще вина. Потом вернулся к своему разговору с женщиной в сером костюме.

Улыбнулась певцу. И он — в ответ. Мне всегда было просто с испанцами, мы с ними очень одинаковые.

Я боюсь высоты, привидений и навязчивых людей. Но напрочь отсутствует страх перед обществом.

Допила вино, встала. Они начали великолепное фламенко.

Не знаю, что делали люди за столиками, я ведь — к сцене. Только Олег, с его постоянными — *Вика, прошу тебя...*

Остановилась перед певцом, протянула руку. Улыбнулся.

Он, конечно, танцевал по-испански, так, что пол не чувствовался, не наступая на ноги. Гитара ускорялась, мы втроем улыбались — из-за гитары, из-за плеча и мне в глаза. В кедах неудобно, но он умел вести сам. Так не танцевала очень давно, ведь он весь отдавался так же, как и я, без всяких — что подумают.

Я была счастлива. Он поцеловал руку и ушел после Gracias.

Повернулась к Олегу. Его лицо, серьезное и шокированное.

А потом громко смеялась и просила не обижаться — ведь он сам не захотел со мной танцевать.

Они ждали у подъезда, пели в машине под System of a down, Катя нажимала на кнопку моего звонка в течение последних пятнадцати минут, убежденная, что так скорее приду.

— Малышка, я купила нам с тобой любимое наше шампанское. Представляешь, нашла его за девяносто рублей!

— Девочка, а где ты бываешь так поздно ночью?

— Представляешь, у меня на репетиции украли гитару.

— Суки.

— Лапуля сегодня придумал новый стих, там как-то так — Ешь пироги с грибами, держи язык за зубами.

Макс, конечно, удивлял все время и совсем неспециально.

Мы включили фоном телевизор. Катя утверждала, что любую бумажку нельзя свернуть больше чем восемь раз. Лапуля предложил всем спорить с ним, что за минуту никто никогда не

съест больше чем три юбилейных печенья. Я складывала лягушку из бумаги.

— Ну, и нахрена его по телеку показывают, — Макс стоял рядом с диваном, курил и смотрел передачу. Переместились к нему. Показывали то ли йога, то ли кого-то еще, кто сделал невероятную, по словам ведущих телешоу, вещь. Стояли два стула. На один стул йог положил голову, на другой — пятки. И спустя какое-то время замер в этом положении. То есть все его тело, оставаясь на весу, не падало на пол. Через минуту нам надоело смотреть, как йог лежит в этом положении, вернулись на кухню в поисках печенья.

Зовем Макса к нам — не отвечает.

Не знаю, как, но он в точности повторил то, что сделал йог на экране. Мы стояли рядом с ним, не говорили, боялись дотронуться. Его тонкое тело, черные волосы на стуле, ровное дыхание.

Села рядом на пол, положила руки на его колени и так бы сидела всегда.

Моя любимая Анна...

Забегала ко мне домой — принести фотографии своих магазинов, мне надо было их обработать в фотошопе. Я — в институте.

Смеялась долго, много, моя Анна, расклеенные бумажки по всей квартире.

На пепельнице — *Помой меня.*

На клавиатуре — *Протри кнопки и монитор ваткой с тоником — плииииззз...*

На цветке — *Я уже в другом измерении. Выкинь меня!!!*

На радио — *Пыль на радио, пыль на проводах, пыль на книгах... всюду пыль... Это так романтично, словноходишь в декаданс... там кто-то жил, но не ты...*

Анна, Анна, Анна. Люблю — это так мало, что я могу сказать.

13

Я ВЕРНУЛАСЬ ПОСЛЕ работы. Устала. Макс сидел за столом и чертил схемы, он делал дизайн чьей-то ванной. Не вдавалась в подробности.

Сказала — *Привет. Я так устала.*

Его скучное «угу» — и всё.

Я так устала сегодня, за этот вечер, а он все чертил и чертил свои схемы, не хотел на меня смотреть.

Громко бросила сумку на пол. Макс чертил и чертил. Всё старалась делать громко — громко чистила зубы, громко доставала чашку, громко кашляла.

Он чертил, чертил, чертил.

Села на диван, зажгла сигарету. Огонь был таким большим, что случайно подожгла себе ресницы, побежала к зеркалу — ничего не заметно.

«Но сейчас-то он не имеет права промолчать!»

— Макс! Половина моих ресниц сгорела!!! — подпрыгнула к нему и широко раскрыла глаза.

Нахмурил лоб, посмотрел странно.

— Надеюсь, это будет твоим самым большим огорчением в этом году, — и отвернулся.

Как же ты умеешь это, как же ты умеешь это делать так, чтобы я жалела о каждом своем слове. Как же ты так умеешь все время быть выше.

Хотела плакать, и кричать, и кричать — *Не любишь, не любишь, ты никогда меня не любишь! Я просто хочу, чтобы ты спросил, как прошел мой день!*

Не знала, что еще делать, поэтому подошла к музыкальному центру и включила диск Нино Катамадзе. Я очень любила ее — тянущиеся слова, которых не понимала, мелодии, ее бесконечный голос.

Макс о ее пении говорил кратко — *Орет, как кошка* — и все время нажимал на «стоп».

На середине песни он положил карандаш на стол и посмотрел на меня.

Стараясь не улыбаться, сидела на диване и пила чай.

— Ты ведь знаешь, что я не могу ее слушать.

— Знаю. Зато я могу и хочу.

Как смешно смотреть на свои поступки из следующего дня. Как смешна я бываю так часто!

Макс смотрел на меня еще немного. Потом встал. Дошел до полки с книгами. Взял в руки вазу, которую я вчера закончила расписывать — делала ее долго, около месяца, очень старалась — ведь для мамы.

Пила чай и думала, что, наконец, он скажет — *Вика, Вика, ты правда одаренная, ты так хорошо это сделала!*

Макс улыбнулся и со всей силы бросил вазу на пол. Она разбилась.

Молчала, молчала, молчала... Может, и не молчала бы, но слов не было.

Он улыбнулся и быстро скинул с полки хрустальный колокольчик. Подарок Светы.

Музыка играла.

Он поднес руку к бокалу. Я вскочила. Этот бокал мне привез брат из Англии. Этот бокал и еще несколько других мелочей — никому, кроме меня не нужных, — все, что у меня осталось. Макс знал это. Боялась двинуться, я не плакала, но слезы — сами.

— Нет. Это я не трону, детка, — он погладил бокал.

Потом подскочил к фигурке кошки, которую мне купила когда-то мама, и бросил ее об стену. Кошка отскочила, скользнула по полу, не разбилась.

Я стояла посередине комнаты и плакала, подняла кошку. Мама.

— Что?! Ненавидишь ты меня?! — встал напротив и схватил меня за подбородок.

— Нет, — тихо, — нет, нет. Люблю тебя, — слезы, опускала глаза, не смотрела на него, любила.

— Любишь?! Почему любишь?! Почему ты, черт возьми, меня любишь?! — он кричал громче, я плакала громче.

Опустилась на пол рядом, с его ногами. Увидела разорванные внизу джинсы и подумала, что надо будет зашить.

— Тогда, если любишь, не надо делать вещи назло! — криком, хриплым, громко: — Ты ведь знаешь, как я не люблю твою певицу! Ты ведь знаешь, что я работал! — побежал в прихожую. Надел кроссовки. Взял сумку. Открыл дверь. Я лежала и смотрела на его чертежи, они остались — и он вернется.

Макс заглянул в комнату:

— И... Еще. Прости, я мог быть не прав. В общем, я не прав. Прости. Прав, но не во всем, — щелкнул пальцем по шкафу, — короче, я пойду, встань, пожалуйста, и ложись спать.

Заставила себя встать. Подойти к нему. Сказать:

— Выйди, наконец, отсюда, — и повернуть ключ на три замка налево.

14

МНЕ КАК-ТО позвонила Катя, девушка Лапули. Мы были уже достаточно хорошо знакомы, чтобы я простила ей ночной звонок. Сползла с кровати и взяла трубку.

— Да?

— Вика, слушай, тут такая проблема...

— Мм?

— В общем, к Лапуле зашел знакомый... Они поссорились. Лапуля его избил и решил, что тот умер.

— Катя, черт возьми, что за бред?! Я сплю!

— Послушай, послушай, мне очень страшно, я не знаю, что делать, — она всхлипывала в трубку и торопилась. — Так вот, он решил, что убил его, и потащил закапывать в песочницу во дворе. Я не знаю, что делать!

— Господи, — начала просыпаться, — а ты уверена, что он умер?!

— Нет, не уверена, он ведь дышит, я проверила.

— Катя! А что ты мне звонишь?! Иди во двор, не надо закапывать, — я все еще не могла скомпоновать слова и пыталась проснуться.

— Да... Но я так боюсь...

Лапуля вообще чудесный человек. Для себя я еще не решила, то ли таких, как он, очень много, то ли очень мало, но в любом случае — он совсем не похож на тех, кого знаю я.

В любом случае, такие вещи, как эта история с песочницей, происходили у него постоянно.

Они с Максом были лучшими друзьями со школы. До пятого класса их взросление шло одновременно и вполне одинаково. А вот уже к девятому классу, когда Макс остался таким же худым и белым, как в первых классах, Лапуля был ростом под метр восемьдесят, потом под метр девяносто, тяжелел с каждым годом и вообще начинал пугать людей своей могучестью. Испуганно-наивная улыбка осталась, но все остальное менялось и менялось и никак не могло оставаться. Такой Лапуля сейчас — большой, с прямыми русыми волосами, собранными в хвост, с квадратно выбритой щетиной — настоящий такой Страшный мужчина. Но внутри — нет человека более наивного и радостного.

К двадцати трем годам он успел дважды посидеть в тюрьме — недолго, но успел. Есть у него «маленькая» слабость. Иногда он очень злится. И не зная, как еще выплеснуть из своего большого тела эмоции, он нашел достаточно странный способ.

В первый раз это было, когда его бросила девушка — ситуация весьма часто происходящая в жизни. Лапуля не смог долго метаться по комнате — не хватало места для выхода эмоций. От принятия наркотиков он к тому времени уже отошел. Надо было что-то делать. Он зашел в соседний подъезд и позвонил в первую попавшуюся квартиру. Никто не ответил. Он выбил со всей силы дверь ногой, нашел где-то в квартире почти что закончившуюся бутылку водки, сел за стол, спокойно ее выпил, осторожно приоткрыл дверь и ушел.

Успокоился.

И так ему это понравилось, и так хорошо это помогало успокоиться, что и дальше он продолжал делать то же. Ни разу в жизни он ничего не украл. Сломал он таким образом сорок дверей. Сначала он уезжал в соседние районы, а потом так утомился от езды, что начал ходить в подъезды в доме напротив. Милиция сначала ленилась, потом пыталась не обращать внимания, потом им надоело видеть всё ту же подошву на двери, они разозлились и без труда поймали Лапулю, когда тот выходил из очередной квартиры. Соседи, видимо, уже несколько недель

сидевшие у замочных скважин, увидев приближающееся к соседней двери тело и замахнувшуюся ногу, быстро позвонили в органы правопорядка.

Лапуля ничего не отрицал, виновато улыбался на суде и получил срок в четыре года. За примерное поведение его отпустили через два.

Второй раз он попал в тюрьму совсем нелепо. Было лето, и он одиноко шатался по московскому парку недалеко от какой-то гостиницы. А тогда было почему-то модным у иностранцев разбивать бунгало недалеко от гостиницы и там ночевать — вкушать московский свежий воздух и наслаждаться пейзажами. Вот Лапуля и наткнулся как-то на такое бунгало. Сначала он не понял, что это такое громоздится в парке, и искренне возмутился, что это «что-то» загораживает ему дорогу. Потом он нагнулся и заглянул внутрь. Внутри было пусто. Лапуля забрался в бунгало, нашел там бутылку виски и, не раздумывая, с наслаждением ее выпил. Посидел еще немного, начало темнеть, он достал из бунгало простыню, выполз наружу, прикрылся простыней прямо рядом с бунгало, и уснул. Таким его утром нашли иностранцы. А в силу того, что иностранцы оказались немцами, они оперативно позвонили в московскую милицию, четко по-немецки повозмущались, спрятались в палатку и оттуда наблюдали, не проснется ли большой русский мужчина и не убьет ли их между делом. Лапуля проснулся уже в участке, вспомнил, что видел накануне бунгало и что-то там делал, ничего не отрицал и получил срок два года.

В тюрьме его приняли как родного и любимого, он там отдохнул год, а потом его за примерное поведение выпустили.

Еще у Лапули было две слабости — его маленькая девятилетняя сестренка и кепки. Как же он любил кепки! Когда был в настроении, то брал с собой пакет и снимал с прохожих кепки. Прохожие никогда не возмущались при виде большого небритого мужчины, и кепки спокойно перемещались в пакет. И как у него тряслись руки, когда на ком-то из своих друзей он видел кепки! Дружба не позволяла снимать ему кепки с друзей, так что друзья отдавали сами.

Мы с Лапулей сразу нашли общий язык. Увидела я его впервые в тот день, когда увидела Макса, — он был в компании тогда, когда подвыпивший Макс решил прыгнуть с балкона. Но официально мы познакомились месяца через два. Как раз за игрой в «мафию».

— Здорово, — протянул мне свою большую ладошку и плюхнулся в кресло.

— Привет. Есть хочешь? — меня он почему-то совсем не испугал.

— Есть не хочу. А ты хочешь со мной трахнуться?

— Нет, не хочу, — Макс тогда открывал вино с Катей и смеялся.

— Правильно, правильно, — Лапуля задумчиво крутил в руке мою кисточку для красок, — правильная ты девушка.

— Угу, — я села на подушку напротив него и взяла сигарету.

Он посидел минут пять, разглядывая мою татуировку на плече.

— Макс делал?

— Ага.

— А знаешь, чем отличаются люди с татуировками от людей без них?

— Хм, — я иногда об этом думала, но ни к чему толковому так и не пришла, — наверно, тем, что люди с татуировками никогда не интересуются татуировками других.

— Это правильно. Но главное — тем, что наколотые люди проще относятся к жизни.

— Это еще почему?

— Ну вот есть же такой идиотский вопрос — а что ты будешь делать в сорок лет? Ну там типа татуировка скукожится и прочий бред. Да тебя наверняка спрашивали.

Ну да. Спрашивали. И я не переносу этот вопрос так же, как и вопрос о значении татуировок.

— Так вот и получается, что люди, которые себе что-то колот, они думают только о сегодня. Они хотят татуировку и делают. Какое им дело, что будет через двадцать лет? Может, они завтра выйдут на улицу, и их машина задавит. А так успеют сделать важное для них дело в жизни.

Лапуля радостно улыбался. Он-то наверняка давно уже все это думал-передумал.

В общем-то, он был прав. Очень даже прав. Он сам весь был наколот — запястья, шея, улыбающийся черт во всю спину. Вообще, он весь был в чернилах. Он сам часто кому-то накалывает, а когда проверяет машинки, то только на себе. Работает — хорошо, еще одно пятно на руках.

— Да... А еще у людей с одной татуировкой в девяноста процентах будет как минимум и вторая татуировка.

— Да? А это почему? — Макс сел рядом с Лапулей и начал есть полусваренные белые макароны. Я поморщилась.

— Ну... Это как мужчины — если они изменят своей девушке один раз, то, скорее всего, изменят и второй, и третий.

— Правильная ты все-таки девушка, так надо, так надо, — Лапуля понюхал макароны и выругался.

Такой вот он.

Вторым в их тройке был Куня. С Куней Макс познакомился на курсах по рисованию, когда им обоим было восемнадцать. Макс пошел на курсы от нечего делать. Решил, что надо чем-то заниматься. И лучше заниматься тем, что хорошо получается. Группа у них собралась а-ля элитарная, неземная, что-то похожее на моих однокурсников, только все еще с двумя знаками плюса. Дважды элитарные и дважды возвышенные. К концу третьего месяца Макс совсем разозлился на них. Не прям уж на их возвышенность, а на то, что за возвышенностью стояли бездарные рисунки и неправильные светотени.

Как-то сидели они на графике и рисовали Апполона. Макс ох как не любил этого Апполона — его идеально уложенные кудри и губы бантиком. А Апполон еще огромный — надо было отходить все время, присматриваться. Макс разозлился на него, нарисовал все как надо — вот только губы совсем уж бантиком — такие злобно-сжатые в бантике. И злость в каждом кудре, и пустые глазницы прям готовы открыться и пустить молнии. Все собрались вокруг его рисунка. По исполнению придраться не к чему, но смотришь — и так страшно становится... Никто не понял, в чем дело, преподаватель покусал губы и отошел. И вроде все хорошо, если бы не хриплый голос из-за спины Макса:

— Ну и чудище злое какое у тебя тут.

Макс и сам знал, что перед ним и чудище, и злое, да и похуже. Но чтобы кто-то другой ему это говорил! Он развернулся и увидел перед собой такого же тощего мальчика, как сам он, с которым он ни разу и не разговаривал. У тощего мальчика на все лицо падали прямые белые волосы, синие-синие глаза, в общем, вдруг Макс в этом мальчике примерещился образ Апполона.

— Да ты бы помолчал со своими рыбами, — так же хрипло ответил ему Макс и отвернулся.

Дело в том, что Куня и вправду все время рисовал подводное царство. То у него в воде зависали гигантские рыбы, то какие-то чашки, то люди с оторванными руками и ногами.

— А чем вам, Максим, не нравятся его рыбы? Между прочим, он один из самых одаренных художников на курсе, — властно произнес низенький преподаватель в толстых очках.

Макс не выдержал. Он вообще выдерживать не умеет.

— Чем не нравится? А я скажу, чем! Первое — нет ничего проще, чем рисовать существ в воде! Они же не стоят, они подвешены — вот и рисуй, как хочешь! Второе — почему у него все люди в воде с оторванными руками и иногда без

лиц? Потому что они утопленники и все растворилось? А ни фиги! Потому что руки и лицо сложнее всего рисовать — вот они у него и плавают ущербными калекками. Одаренный, блин.

После этого Макс с Куней взаимно друг друга ненавидели. А потом им нужно было защищать какую-то бумажку в конце года, и им поручили вместе расписывать стены больницы неврозов. Макс не знал, из-за чего злиться — то ли из-за потребления бесплатной рабочей силы, то ли из-за того, что ему красить вместе с Куней.

Макс сел на табуретку и начал смотреть, как Куня весь этаж медленно покрывает рыбами и утопленниками. По умолчанию они разделили работу пополам — Куня рисовал одну рыбу и шел дальше. Макс подходил к рыбе, закрашивал ее и ждал следующего наброска. И все так тихо, без слов, все как надо. Пошел как-то Макс прогуляться по клинике. Из-за всех углов на него то акулы с огромной пастью смотрят, то рука мимо проплывает. Начал невольно улыбаться — вот это что надо для клиники неврозов. Идешь себе после процедуры — тут, бац, кусок ноги мимо плывет. Доходит Макс до входа, а там стоит чаша — как во всех больницах. Ну стоит чаша и стоит, и тут Макс видит, что из чаши выползает нарисованная Куней змея. Да не просто змея, а дракон какой-то, с челюстью, как у огромной акулы, и чуть ли не огнем дышит. А глазами так и смотрит на проходящих мимо, так и смотрит. Тут Макс не выдержал и начал хохотать. Подходящий, однако, рисунок для такого места.

Потом он собрался идти дальше и увидел, что за его спиной стоял Куня. С такой же ухмылкой и в такой же позе.

Макс улыбнулся. Думали они одинаково.

Мы сидели перед свечкой, он сказал — *Вика, твоя квартира — сплошная мистика.*

Лишь они открыли дверь, отключилось электричество. Свечка сломалась на половине, сделали кофе наощупь, разговоры при свече — совсем другие, чем при свете.

Звонит телефон. Одновременно — руки на телефоне.

Звонят мне, а не тебе. А у тебя есть что скрывать?

— Олег. Привет, — они замолчали, наливали чай, слушали.

— Привет, тебя можно отвлечь на две минуты?

— Нельзя.

Кладет трубку.

Вика, это что за херня?

Это что за тон?

Почему он все еще тебе звонит?

— Почему ты бросаешь трубку?

— Но ты же занята.

— Это не повод бросать трубку. Ты что-то хотел?

— Поговорить. Как ты?

— Хорошо. Отключили электричество.

— Так это же романтика.

— Это романтика.

— Ну, у нас с тобой разная романтика. Будь я тобой, не сидел бы один. Позвал бы теплую компанию, зажег бы свечи, открыл бы бутылку...

— Я сижу в теплой компании, мы зажгли свечи, у нас открыт ром. И более того — жарим пиццу на сковородке. Кажется, у нас одна романтика?

— Могла бы и меня позвать.

— Но не позвала.

— Хорошего вечера.

Так почему он тебе звонит?

Ты знаешь, это мой лучший друг.

Он не друг.

Не сходи с ума. Ненавижу выяснять отношения.

Нет, их надо выяснить.

Лиля Брик говорила — Знаешь, почему лошади не ссорятся? Они не выясняют отношений. Что-то такое.

Мы не о том говорили.

Да дело даже не в этом. Олег. Олег позвонил на следующий день. Спросил — *Ну как прошла твоя ночь? Надеюсь, хорошо посидели?*

Черт возьми. Ты даже не можешь на меня обидеться.

Это так грустно.

Всем что-то не нравится, но, тем не менее, мы всегда вместе.

Всем хочется сказать, ну жели нельзя жить проще.

Вас слушать, слушать, все так неровно-неправильно-и-как-не-должно-быть. И я вся такая неправильная.

Ну и что, что вы правы. Или что не правы.

Зато живу полностью, живу без «а если?», «а вдруг?», сегодня только. Это, знаете ли, тоже надо уметь.

Говорю сейчас, курю сейчас, не умею строить ровно, не знаю, куда добавлять и где убавить и как вообще можно построить жизнь в паре строчек.

Люблю Макса. Люблю Макса. Он говорит — *Вика, люблю тебя крайне. А я тебя бескрайно.* И это все равно никогда и никак не передает, насколько без-крайно.

Ночью и холодно. Олег вез меня домой. Слушала Пласево. Всегда уходила в их музыку, редко когда — не фон, а именно — уходить. И вдруг Олег кричит мне в ухо, совсем уж его не ожидала — так вот вдруг.

— Вика! Мы с тобой такие сумасшедшие! — улыбка, улыбка радостная, что просто разозлилась.

— С чего бы вдруг сумасшествие?

— Вика! Мы только что проехали на красный свет, ночью, понимаешь, на скоростном шоссе! Замолчала. Совсем замолчала. Это... шутка?

— Ты что, серьезно?

— Серьезно, только что проехали на красный!

— Нет, ты серьезно. То есть ты серьезно считаешь, что это — сумасшествие, да?!

— А что же это еще?!

И мой смех. Голодный, отчаянный, кричащий. Сумасшествие. Сумасшествие! Красный свет. Как это печально.

Сумасшествие.

Мы ехали с Максом в метро, я передавала книгу Лапуле. Кажется, «Девственницы-самобийцы». Какое это имеет значение, и вправду, просто с Максом все имеет значение. Был вечер, он открывает книгу и начинает читать.

— Нет, ты ложись вот так вот на мое плечо, а я буду тебе читать.

И начал читать. Лежала и улыбалась. Кажется, там было про какие-то топоры, что-то нелепое. Поднимаю глаза — все вокруг слушают. Метро стало совсем непустым. Макс прерывает чтение. Все вокруг слушают.

— О-о, вам интересно? — вскакивает на середину вагона.

15

АННА ГОВОРИТ, что всегда мечтала о спокойной дочке. Точнее — о Дочке, с большой буквы. Получилась я. Анна говорит, как же можно жить с такой головой, какая у меня. И как вообще можно так думать. Точнее, так умело не думать.

Мои когда-то люди меня любили, но не без повода же я от них ушла.

Папа говорит — *Ты — ураганная девочка, поэтому всегда будешь одинока, как и я.*

Я говорю — *Скучно об одиночестве. Оно есть у каждого, что уж тут о нем рассуждать. По умолчанию, так сказать.*

Подруги обижаются, что не звоню им вовремя. Подруги обижаются, что мы видимся раз в неделю. Подругам хочется сказать — но ведь настоящие отношения могут быть только у людей независимых и свободных.

И продолжает читать. Громко, за всех персонажей, бегая по вагону, изображая, жестикулируя, мой смех. Их смех, пропущенные станции, ночь, счастье.

И конечно, сумасшествие.

— Ну вот, Макс, и на тебя нашлась управа.

— Вика, вы съедите друг друга.

— Макс, а разве не проще жить так, как раньше?

— Знаешь, я ведь, Вика, как и ты. До тебя любил всегда как-то... неполноценно, что ли. Принимал, принимал, а отдавать не умел. А с тобой все чувства — полноценные, настоящие.

— Сонь, я иногда думаю, может, оставить все. Оставить все сейчас, потому что такое, как у нас, — оно дальше не бывает, это надо прекращать. Я вот так думаю, думаю, но знаю, что ничего оставить не смогу.

— Ну что, Макс, когда свадьба?

— Ближе к зиме.

— Ну что, Вика, когда свадьба?

— Никаких свадеб.

— А по-моему, здорово. Халявное шампанское.

— Девочка, я так люблю тебя.

— И я тебя.

А получилось все глупо. На маленьком диване, окна напротив, портвейн на столе.

— Что говорят твои друзья обо мне?

— Много говорят. А это важно?

— Наверно. Мои говорят, что, наконец, и на меня нашлась управа. Остепенился я, вот что.

— Это хорошо, что остепенился.

— Нехорошо, я думаю. Знаешь, я без тебя не могу.

— А ты и не без меня.

— Почему нам не жить вместе?

И мое молчание. Его мгновенная реакция. Допитый портвейн. Моя тишина. Так боялась. Жить вместе, это ведь страшно. Совсем так не умею. Чтобы просыпаться каждый день, чтобы каждый день — и не одна. Чтобы знать, не ждать, не знаю, почему-то стало страшно. Макс, Макс, мое все, а почему-то стало очень страшно. Потерять то, чего больше нигде не находила и не хотела, потерять какой-то бездарной обыденностью и совместными завтраками.

Глупо невероятно. Я глупая невероятно.

Он, конечно, потом не позвонил. Конечно, это знала.

Он ведь открылся — мне. Впервые. Я — тоже. Но не успела ответить.

У меня не получалось засыпать, хотела, но не засыпала. Еда — невкусная, сигареты — много.

Совсем как раньше. Его запах в квартире, рубашка на вешалке. Начала разговаривать сама с собой.

Ждать звонка. Подходить к двери подъезда и снова, снова надеяться, что он ждет тебя там.

Исписывать дневник, запивать вином, потому что кружится голова, и ты думаешь о том, как бы уснуть, а не как бы дожидаться. Находясь на станции метро с его работой идти очень медленно, потому что вдруг он выйдет купить сигареты.

Дни, дни, дни, много дней. Какое сегодня число?

— Вика, я тебе говорила.

— Мама, я знаю. Все хорошо.

«Пинк Флойд» на всю квартиру, чтобы еще больше. Институт — нет. Друзья — нет. Всему — нет. Одна.

Крутить до самоистязания картинки.

Как он щелкает кольцами на пальцах.

Вика, а где те твои джинсы, которые подходят под мое пальто?

Девочка, я тебя встречу у работы.

Как он засыпает в ванной.

Концерт на Ленинском проспекте, шумные люди, он обнимает сзади, курил одну сигарету, он поет во весь голос, прямо мне в уши, мой смех.

А куда мы поедем летом? Ой, получилось прямо как в американских фильмах — Дорогая, а куда мы поедем этим летом? Ах нет. Сначала надо купить диван.

Однажды ночью стук в окно, бегу. *Вика, прости, я знал, что ты спишь, поэтому не хотел тебя будить и решил залезть в окно. Я так по тебе соскучился, но не хотел будить. А потом понял — окно ведь тоже закрыто.*

Волосы на глаза, руки с венами, рваные джинсы, тонкие пальцы, синие глаза.

Кофе с пятью кусочками сахара, горячий шоколад, игры в «мафию» до пяти утра.

Катины звонки ночью — *Мы с Лапулей сейчас приедем, пусть Макс не спит — потом вместе на работу.* И спать вчетвером на одной кровати, просыпаясь к вечеру, забывая обо всех делах.

И тут вдруг такая резкая пустота, дыра, все, чем жила, — просто ничего нет.

Картинки-воспоминания душили, жила ими, ненавидела, плакать совсем не могла.

Три месяца.

Звонок Лапуле.

— Привет. Как Макс?

— В Питере, Вика. Как ты?

— Ты сам знаешь, как я. С кем в Питере?

— С девочкой.

— Со своей девочкой.

- Ты — его девочка.
- Сука ты, Лапуля.
- Вика, Вика. Что мне тебе сказать.
- Ничего. Ничего. Прости.
- Ты сама виновата. Теперь дай ему вернуться в жизнь.
- Ну, точно ты сука.

Мне так часто хочется поговорить с тобой, только с тобой, потому что кажется, что только ты на всё ответишь и всё знаешь. Подруги, даже — Анна, не то. Только с тобой. Не могу. А ты бы сказал, ты бы не осуждал, ты бы понял. Все осудят, все не поймут, все скажут — ты снова живешь неправильно, почему если кто-то падает по мелочам, то ты — на серьезном. Захватывая в свою воронку других людей. Ты бы сказал совсем не так и со всем не то. Когда я говорю «Люблю» — сегодня, я честно в это верю. Я скажу «Люблю» завтра — и это будет снова правдой. Как объяснить. Ведь правда верю.

Я люблю Макса вчера, сегодня, завтра. И если он скажет, я все поменяю. В один день. Ты ведь меня не осудишь потом.

Успешная карьера, друзья, семья. Муж. Любит. Такой положительный и правильный Олег. Я заставила себя думать, что он прав, заставила себя полюбить. Водитель — по утрам и с работы. Графики и планы. Кино — по выходным. Вино — по вечерам. Телефон, который все время звонит. Независимость и уверенность в себе. Такая теперь взрослая.

Но. Один его звонок. Он. Он. И бросила бы все, что делала для, вопреки. Чтобы забыть, доказать, отвлечься. И бросила бы все. Мужа. Работу. Кино.

Ну и что — осуждение, обиды, взгляды.

У тебя же такая успешная работа. У тебя же такой идеальный муж. У тебя же такая идеальная жизнь.

Это всё интересно, конечно. Но надо всем стоит Он. Не сумею объяснить.

Если бы просто один его звонок. С ним, пусть столько времени прошло, нет пространства и времени. С ним — нет дыхания. С ним — такое чистое. С ним ничего больше не имеет значения. Он — один, один, для меня. Ради него перечеркну.

16

КАК-ТО ПИЛА кофе в центре. Книга лежала рядом, я смотрела в окно. Потом оглянулась. От взгляда.

Он не поменялся. Глаза, ухмылка, также курит сигарету перед затяжкой. Тонкие пальцы с обкусанными ногтями. Всё это видела.

Улыбнулась и откинулась к спинке стула.

И он.

Так долго искала его, везде, во всех, во всем.

Всё остановилось, все исчезли, всё опять сомкнулось до Он-Я.

Уже почти четыре года.

— Привет.

— Привет-привет.

— Как дела?

— Всё отлично. Как ты?

— Тоже ничего.

— Что нового?

— Женился.

— А я вышла замуж.

— Ясно.

И всё не имело значения.

— Встретимся сегодня вечером? — И тот же голос.

— Конечно. Что будем делать?

— Не знаю. Пить пойдем.

— Отлично.

— Я тебя люблю, Вика.

— И я.